

Философские науки

УДК 130.2

В.В. ДАЩИНСКИЙ

(vladmessia@mail.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

РЕАЛОГИЯ ДЕТСТВА: ВЕЩНЫЕ МОДУСЫ КУЛЬТУРЫ В АСПЕКТЕ АНТРОПОЛОГИИ ВОЗРАСТА*

Анализируется детство в аспекте реалогии. Выявляются особенности взаимодействия ребенка и мира вещей. Исследуется роль игры в становлении личностного бытия ребёнка и вещи, игровая природа вещей. Определяются антропологические свойства вещей и культурные модусы их существования.

Ключевые слова: *реалогия детства, вещь, игра, вещественная антропология, свойства, модусы.*

Реалогическая парадигма в российской философии культуры сложилась относительно недавно. При этом данный подход к культуре обладает своей спецификой: «Значимой особенностью российского типа осмысления повседневности и вещественного бытия человека в ней, на наш взгляд, является некоторая предметная неопределенность (размытость междисциплинарных границ) и в то же время полипарадигмальность» [23, с. 38].

Именно в реалогическом аспекте феномен детства исследовался достаточно мало. В качестве методологической основы исследования стоит особо отметить работы таких отечественных учёных, как М.В. Осорина [12], которая изучала проблемы освоения ребёнком пространства окружающего мира; работы: «Сувенир» М.А. Корецкой [16], В.В. Корнева [8]; «Метафизика простых вещей» С.А. Лишаева [9]; «Философия простых вещей: созерцательность и событийность» М.В. Михайловой [13]; «Dasein вещей, или о чём может поведать трубка» Ю.А. Разинова [16], анализировавших повседневные артефакты культуры и их значение в формировании экзистенциального опыта личности. Из зарубежной литературы представляют интерес труды Ф. Бейкера, К. Калверт, С. Мельшиор-Бонне [1, 6, 10].

Цель исследования: выявление реалогических модусов культуры в антропологии детства. Задачи исследования: 1) выяснение специфики взаимодействия вещей и детей; 2) определение игровой природы вещей; 3) определение антропо-культурноцентричных свойств вещей.

Отношения со значимой для субъекта вещью всегда имеют сакральный характер [11, с. 65]. Вещное пространство, окружаемое человека, меняется на определённом возрастном этапе по мере духовного освоения или неосвоения вещей, наполняясь новыми культурными, символическими смыслами, текстуальными свойствами. При этом меняется и личностное бытие человека – процесс взаимопроникаемый и взаимозависимый. Вещественное пространство является зеркалом для человека (в композиции такого пространства зеркало – один из центральных символических элементов), это глаза, смотрящие на тебя Иного: оно «сопровождает развитие индивидуального сознания как такового» [3, с. 26], демонстрирует, вскрывает духовные, социальные, физические изменения и состояния. Например, И. Бродский об этом пишет так:

Не осуждая позднего раскаянья,
не искажая истины условной,
ты отражаешь Авеля и Каина,
как будто отражаешь маски клоуна [4].

* Работа выполнена под руководством Шипулиной Н.Б., кандидата философских наук, доцента кафедры философии и культурологии ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

Мир детей и мир взрослых сосуществуют в одном физическом пространстве, но опыт его освоения на каждом возрастном этапе приобретает особые личностно-значимые экзистенции, которые играют ключевую роль в становления бытия ребёнка. Под *реалогией детства* мы понимаем особое антропологическое пространство ребёнка, наполненное и структурируемое не только социокультурной, психической реальностью, но и реалогической, т. е. вещественным пространством, единичностями, нуждающимися в осмыслении, в освоении и в принятии «реабилитированных архаических представлений о душе вещей» [22, с. 161].

В детстве между ребёнком и вещью доминирует не эпическая дистанция (это доминанта другого возраста), а лирическая, причём самая интимная и искренняя (под лирической дистанцией мы понимаем характер и степень сопряженности, сопричастности вещи), но ребенок, сам того не ведая, активно занимается эпосом – «Одиссеей» при освоении домашнего пространства, где исследует не только окружающие его реалии, но и пытается обозначить своё бытие, материализовать своё присутствие, «нуждается во внешних подтверждениях факта своего существования» [12, с. 35]. Сигнализатором его наличествования выступают вещи (изначально предметы, впоследствии приобретающие статус вещи). Необходимо отметить, что детство – это период наполненности человека миром, когда ребёнок ещё не в полной мере вступил в «эру активного управления вещами и силами», когда ещё возможны такие модусы архаического отношения к вещам, как любовь, верность и доверительное общение» [23, с. 161]. Здесь и начинаются особые отношения ребёнка с вещами: он понимает, что они могут означать его присутствие, поэтому заключает с ними определённый договор (важно, что не контракт, а именно *договор*, в этимологии слова которого имеется значение «речь, разговор»): «Я оживлю тебя, а ты поможешь мне расширить и семантизировать моё бытие». «Реанимирование» – есть духовное освоение предмета, освоение посредством его номинации, создания для него определённой мифологической истории, в которой оживляется его способность *вещать*. По М. Эпштейну, предмет превращается в вещь «лишь по мере своего духовного освоения» [24, с. 308].

Ребёнок по мере освоения сродняется с вещью, и между ними образуется определённая онтологическая система взаимодействия (можно привести аналогию: система двойных звёзд, где общий их центр масс – договор между вещью и ребёнком), начинается интенсивный смысловой обмен (обмен веществом в двойной звёздной системе): появляются рассказы о вещах («Щелкунчик и Мышиный король» Гофмана), шкафы, которые становятся входом в другие миры («Хроники Нарнии» К. Льюиса), комод, меняющий в детском сознании пространственные характеристики и представляемый как шкаф: «Первым моим шкафом был комод. Только и надо было – потянуть за округлую ручку, и дверца, щёлкнув замком, распаивалась. Среди рубашек, передников, сорочек, хранившихся за этой дверцей, я кое-что обнаружил, отчего комод сразу стал комодом приключений» [2, с. 71]; героические странствия в «страшные» места домашнего пространства (тёмный чулан, подвал, «подкроватье»), где ребёнок инициализируется (здесь эпос «Илиады», «Беовульфа»); демонстрация Другому лично обжитых мест: фраза «Пойдём, я покажу тебе одно место», при этом сопровождающаяся какими-либо ритуальными действиями, например, завязывание глаз, хранение молчания; «скудость сочувствия» к вещам, т. е. особое «философское внимание» к ним, оправдание их существования в системе мироздания.

Какова роль игры в становлении связи личностного бытия ребёнка и вещи? Игра, по Й. Хейзинге, обладает культууроформирующими свойствами, и способствует их сроднению – лирическому, культурному взаимопроникновению [21]. Проходя различные стадии освоения игры (режиссёрская, образно-ролевая, сюжетно-ролевая), ребёнок в конечном итоге становится демиургом своего мира: усложняются сюжеты, роли, особенности их исполнения; взаимопроникновение социокультурного пространства, исходящее из каналов школы, телевидения, Интернета, в домашнее всё больше повышается, и ребёнок от слепого копирования действительности переходит к сложному нарративу, вводя в игру различные моральные, социальные проблемы. Вещь, «расколдовываясь» ребёнком, обрастает новыми онтологическими, категориями: памятью о ней, «домашностью». Таким образом, особенными для ребёнка становятся различные подарки, шкатулки, в которых он хранит различные мелочи (в фан-

тастическом романе Т. Пратчетта «Хватай за горло!» они называются «меморорабилилии»: «Мемо... что?» – «Ну, знаешь, ... подарки, всё такое прочее. То, что принадлежит лично ей...» [13, с. 141]), нерукотворные находки (камни, раковины, листья, цветки, семена и косточки плодов, кости животных), которые в ходе духовного и практичного освоения (причём освоения Другого, того, что лежит вне дома), можно присвоить как особые трофеи; коллекции; безделушки, пустая форма которых «легче наполняется индивидуальным содержанием» [15, с. 166]; одежда, становящаяся в будущем «мостиком в безопасное детство» [7, с. 174], игрушки, которые выполняют сюжетообразующие функции, подвергаются постоянным материальным, вещетворческим «превращениям» (особенно это заметно в LEGO, когда дети переставляют детали частей тела, занимаются даже в некоторой степени киберпанком, добавляя к деталям человечков детали (импланты), служащие для постройки зданий), они «передают детское мировосприятие в виде серии архетипов: окарикатуренных ломов, схематичных машин и пистолетов» [18, с. 94]. Весь этот ансамбль вещей участвует в играх ребёнка-кукловода. Знакомясь с различными мультфильмами, фильмами, он переносит их сюжеты в свой мир, при этом насыщая и обогащая их своим видением и сознанием: так, какой-нибудь злодей из фильма мог пройти духовную трансформацию и стать на путь добра; некоторые игрушки могли исполнять роль то героя, то злодея, причём на лингвистическом уровне характерны обращения к ним ребёнка, который просит прощение за навязанную им роль. Вещь обретает особый модус существования – игровой, становясь *res ludens*. Изменяя способы бытийствования вещей, ребёнок создаёт особое экзистенциальное пространство, в последствии оказывающееся «лирическим музеем» (т. е. лирическим модусом), где оправдана каждая единичность вещи, где она имеет собственную биографию, когда память обращается к «окаменелостям» ушедшей эпохи моего детства» [17, с. 730].

Выделим свойства вещей в мире ребёнка. В процессе духовного освоения, оживления вещи начинают проявлять разные характеристики:

– **Превращаемость материальная.** Посредством «алхимических» экспериментов ребёнка солдатик, облепленный пластилином, может превратиться в новое существо; диван может превратиться в хоккейное поле (в детстве у меня был настольный футбол, но в какой-то момент поле потерялось, однако, от него остались ворота и несколько игроков. Долго не думая, я поставил ворота на разных концах дивана, взял двух игроков и две палочки от чупа-чупса, немного подогнул их, чтобы они выглядели, как клюшки, шайбой же у меня служила обычная пуля. Теперь я мог проводить хоккейные матчи); символическая: определённая вещь или вещественные практики становятся особым семиотическим пространством, в котором ребёнок открывает множественные миры, даёт волю фантазии и воображению: шкафы, чердаки, домики на дереве, детские «штабы» – все они, особенно «штабы», являются пространством, где можно спрятаться от взрослых, с системой секретной коммуникации, «особым самостоятельным миром, который является символическим эпицентром детской жизни» [12, с. 157]. Стремление иметь такое место является реакцией детей на мир, «который постоянно пытается открыть их с помощью консервного ножа, чтобы посмотреть, что же у них там внутри и не надо ли заметить это более подходящим содержимым» [20, с. 36]. В языке это место именуется убежищем, шалашом (становящимся «раем в шалаше»), пещерой, укрытием, тайником;

– **Околдованность,** чары в отношениях ребёнка и вещей. «Одуванчик вообще играл в моём мире особую роль, которую можно сравнить разве лишь с отношением к племенному тотему. Дело было не только в том, что из его терпко-горьких полых стеблей (как и из незрелых стручков акации) мы делали гуделки, ошеломляя всё живое скоморошью какофонией, но и в таинстве превращения солнечного цветка в пушистую шапочку “парашютика”» [17, с. 710–711].

– **Изнашиваемость вещей, технологическая, товарная, эстетическая,** (в отличие от музейных вещей, где их реставрируют), но с остающейся для человека самоценностью: игрушек: «... Стали чёрными цыплята! / А из куклы лезет вата! / Были новыми игрушки, / А теперь они старушки» (Э. Успенский) [19]; вещей: «... я с детства любил худую, заношенную, проношенную одежду. Новенькая меня

всегда жала, теснила, даже невыносима была. И словом, как о вине: «Чем старше, тем лучше», – так точно я думал о сапогах, шапках и о том, что «вместо сюртука» [14, с. 34];

– **Ветхость и дряхлость** как особые формулы существования Другого, историко-культурного опыта, эстетического расположения, открываемого для человека «как Время через чувственное восприятие временности, конечности сущего» [9, с. 180];

– **Аккумулятивность** – способность накапливать культурный, социально-коммуникативный, символический опыт и память. Так, какие-либо дощечки с отметинами могут говорить об определённых ситуациях и событиях жизни ребёнка;

– Способность **отмыкания памяти**. «Получается, что главным свойством плетня и основным его действием, во всяком случае, именно так он действовал на меня, было отмыкание памяти» [17, с. 721]. «Всякий чердак – это Машина времени, в ней тупоумные старики, вроде меня, могут отправиться на сорок лет назад... Каждый ящик и ящичек – словно крохотный саркофаг, где покоятся тысячи вчерашних дней» [5];

– Чувствительность к **судьбе вещей, участи**, которую ты можешь с ней разделить: «Помню белоснежную с нежно-кремовыми подпалинами редкую раковину..., бог весть как нашедшую свой путь в тот шахтёрский городок, где я совпал с ней во времени и пространстве и спас её от незавидной судьбы пепельницы» [17, с. 717].

Итак, мы выяснили культурные модусы бытийствования вещей в антропологии детства (игровой и лирической), определили роль игры в становлении связи личностного бытия и вещи и установили, что игра – не односторонний процесс, во время ее протекания происходит интенсивное взаимопроникновение и взаимообогащение, ребёнок оставляет определённый след на предмете, и тот в свою очередь уже как единица более высокого символического (стал вещью, обладающей игровой природой) уровня входит и закрепляется «меморорабильно» в окружающем пространстве.

Мы выявили и считаем значимыми следующие свойства вещей в мире ребёнка:

- 1) материальная превращаемость;
- 2) околдованность;
- 3) изнашиваемость вещей, технологическая, товарная, эстетическая;
- 4) аккумулятивность;
- 5) способность отмыкания памяти;
- 6) чувствительность к судьбе вещей.

Некоторые из этих свойств имеют врождённый характер, а некоторые появляются в ходе духовного, жизненного освоения.

Литература

1. Бейкер Ф. Абсент. М.: Новое литературное обозрение, 2003.
2. Беньямин В. Берлинское детство на рубеже веков. М.: ООО «Ад Маргинем Пресс»; Екатеринбург: Кабинетный учёный, 2012.
3. Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: Рудомино, 1999.
4. Бродский И. Сонет к зеркалу [Электронный ресурс]. URL: <http://www.world-art.ru/lyric/lyric.php?id=7329> (дата обращения: 20.12.2018).
5. Брэдбери Р. Запах Сарсапарели. [Электронный ресурс]. URL: http://lib.ru/INOFANT/BRADBURY/r_sarscent.txt (дата обращения: 27.09.2018).
6. Калверт К. Дети в доме: материальная культура раннего детства, 1600–1900. М.: Новое литературное обозрение, 2009.
7. Кинг С. Худеющий: сб. повестей. М.: АОЗТ «Кэдмэн», 1993.
8. Корнев В.В. Философия повседневных вещей. М.: ООО «Юнайтед Пресс», 2011.
9. Лишаев С.А. Эстетика Другого: эстетического расположение и деятельность. 2-е изд. СПб.: Алатейя, 2012.
10. Мельшиор-Бонне С. История зеркала. М.: Новое литературное обозрение, 2006.
11. Муштей Н.А. Вещь и телесность: топология субъект-объектных отношений // Общество. Среда. Развитие. 2011. № 4(21). С. 63–67.
12. Осорина М.В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. 4-е изд. СПб.: Питер, 2008.
13. Праччет Т. Carpe Jugulum. Хватай за горло!: роман. М.: Эксмо; СПб.: Домина, 2006.

14. Розанов В.В. Уединённое. М.: Политиздат, 1990.
15. Саенко Н.Р. Мельникова-Григорьева Е. Безделушка, или Жертвоприношение простых вещей: философски-семиотические заметки по пустякам. М.: Новое лит. обозрение, 2008.
16. Сила простых вещей: сб. ст. / под ред. С.А. Лишаева. СПб.: Алетейя, 2014.
17. Соколовский С.В. Из детства – с приветом. Автоэтнографические этюды // Антропология социальных перемен: сб. ст. / отв. ред. Э. Гучинова, Г. Комарова. М.: РОССПЭН, 2011. С. 701–733.
18. Суджич Д. Язык вещей. М.: Strelka Press, 2015.
19. Успенский Э. Берегите игрушки [Электронный ресурс]. URL: <https://rustih.ru/eduard-uspenskij-beregite-igrushki/> (дата обращения: 20.12.2018).
20. Хёг П. Смилла и её чувство снега / пер. с датского яз. Е. Красновой. СПб.: SIMPOSIUM, 2016.
21. Хёйзинга Й. Homo ludens. Человек играющий. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011.
22. Шипулина Н.Б. Реалогическая парадигма в российской философии культуры // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. Сер.: Культурология. 2014. № 8(93). С. 38–42.
23. Шипулина Н.Б. Философское исследование вещи: нетривиальность простоты и внеобыденность повседневности (рец. на книгу: Сила простых вещей: сб.ст. / под ред. С.А. Лишаева. СПб.: Алетейя, 2014. 384 с. (Тела мысли.)) // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. 2014. № 8(93). С. 159–163.
24. Эпштейн М.Н. Парадоксы новизны: О литературном развитии XIX – XX веков. М.: Советский писатель, 1988.

VLADISLAV DASHINSKIY
Volgograd State Socio-Pedagogical University

**REALOLOGY OF CHILDHOOD: MATERIAL MODES OF EXISTENCE
IN THE ASPECT OF AGE ANTHROPOLOGY**

The article deals with the analysis of childhood in the aspect of realogy. There are revealed the peculiarities of interaction of child and things. There is studied the role of game in the making of personal existence of child and things, playing things' nature. There are defined the anthropological qualities of things and cultural modes of their existence.

Key words: realogy of childhood, thing, game, material anthropology, qualities, modes of existence.